

О НОВЫХ И НОВЕЙШИХ МИФОЛОГИЗИРУЮЩИХ СИСТЕМАХ

Намечающийся с XVII века кризис европейского традиционного сознания, а вместе с ним разочарование в ортодоксальных формах религии влекут за собой, начиная с этой эпохи, все возрастающую потребность в новых неконформистских мифологемах преимущественно сотериологического характера. С этого времени и по сию пору продолжают возникать и развиваться всевозможные сектантские движения, ереси и т. п., противопоставляющие себя ортодоксии, однако формирующиеся в рамках соответствующих религий, а также появляются учения, в которых преобладающую роль играет индивидуальное мифологизирующее творчество. Ярким примером первых являются саббатинская и франкианская мифологии, в которых традиционная мифология иудаизма прикладывается к определенной исторической личности, провозглашаемой Мессией. Примеры второго типа (о которых ниже) характерны главным образом для двадцатого века. На примере тех и других течений, как относящихся к новому времени и хорошо засвидетельствованных, могут быть вскрыты некоторые особенности мифологизирующего сознания в его отношении к истории, шире - как детерминированного, с одной стороны, общими мифологическими моделями данной культуры, с другой - опирающегося на комплекс более универсальных архетипических представлений, влияющих на формирование основного мифа данной системы. Такая двоякая обусловленность объясняет отчасти необычайную жизнеспособность мифологизирующих систем, приспособляющихся, как и все глобальные модели, к абсолютно любым обстоятельствам как положительного, так и отрицательного свойства, причем последние, как мы видим хотя бы на примере истории Саббата Цеви, с его взлетами и падениями, трактуются либо как необходимое, по тем или иным причинам, вмешательство враждебных сил, либо как нечто необъяснимое на поверхностном уровне, однако оправданное на уровнях более глубоких и т. п.; более того, мифологизирующее сознание склонно считать реальностью именно те структуры, которые вписываются в его мифотворческие модели, все же иные, хотя бы и объективно существующие с точки зрения обыденного сознания, для сознания мифологизирующего теряют реальность, представляются призрачными и т. п.

Антирационалистические и мистические тенденции в средневековом иудаизме, культивируемые на основе прежде всего каббалистической символики и практической каббалы, послужили благоприятной почвой для зарождения нескольких мощнейших мифологизирующих течений, потрясавших иудаизм на протяжении XVII-XVIII столетий. Исторически первым из этих течений, проливающих свет на функционирование новейших мифологизирующих систем, к числу которых они, несомненно, относятся, явилось так называемое саббатрианство. Саббатрианская мифология, с ее продолжением в позднейшем франкианстве, выросла из приложения, под углом зрения практической каббалы, одной из центральных мифологем иудаизма, а именно, мессианской - к личности экзальтированного мистика Саббатай Цеви (1626-1676), каббалиста из Смирны, однако, формировалась с использованием многообразных мифологических архетипов, выходящих далеко за пределы собственно иудейской мифологии, вплоть до принятия ее носителями христианства или ислама (см. ниже). Проследим кратко основные моменты формирования и развертывания саббатрианского мифа и историю его стремительных, столь характерных для новейших мифологизирующих систем, модификаций.

Саббатай Цеви, с детства отличавшийся мистической устремленностью и получивший хорошую каббалистическую подготовку "по писаниям Ари", с ранних лет привлекал к себе внимание экзальтированной молитвой, которую он практиковал со своими учениками на морском берегу, аскетическим образом жизни, самоистязанием и постами (он, в частности, отказывался от брачной жизни оба раза, когда его женили родители; тот же мотив мы находим в различных культурах святости, например, он присутствует в христианском житии Алексия, человека Божьего); ему слышались голоса и являлись видения. Между тем, в каббалистическом учении восточной школы торжествовали мотивы личной святости, переходящие в мессианские идеи: считалось, что с помощью нравственной чистоты, аскетизма и каббалистических упражнений можно достичь святости, заключающейся в высвобождении чистого "ядра" - из "скорлупы" мира нечистого; божественных искр, заложенных во все существующее - от власти сил зла. Высшая мера святости должна была быть воплощена в Мессии, с помощью которого злые силы должны быть окончательно уничтожены, а Израиль должен возвратиться в свою прежнюю землю. Настроения эти поддерживались каббалистическими вычислениями и операциями с словами Священного писания через числовые значения букв; с помощью подобных магических операций на протяжении этого времени пришествие Мессии неоднократно предсказывалось и даже

магически "вызывалось". Дважды в XVI в. некто Амер Лемлин и Давид Реубейни объявляли себя Мессиями. Исходя из некоторых толкований священных текстов, пришествие Мессии приурочивали на этот раз к 1648 г., тогда как в христианских кругах такое пришествие относили, опираясь на Апокалипсис, к 1666 г.

Под влиянием этих и подобных чаяний Саббатай приходит к убеждению, что он и есть Мессия, каковым провозглашает себя сначала - в кругу учеников, затем - публично путем серии символических действий. Первым из этих действий было провозглашение в синагоге, после семикратных ударов по кивоту Завета, непроницаемого четырехбуквенного имени Бога (тетраграммы) - прерогативы одного лишь первосвященника в праздник Йом-Кипур в эпоху иерусалимского храма. Вынужденный после этого покинуть Смирну, Саббатай прибыл в Салоники, где устроил свадебный пир и пошел под венец со свитком Торы (пятикнижия Моисеева) в руках, символизируя этим мистический союз Торы - дочери неба - с Мессией, сыном Эн-Софа (бесконечного). Число последователей Саббатая, увеличивавшееся при каждом его передвижении, резко возросло в Константинополе, где был введен мотив исполнившегося пророчества от имени "отшельника Авраама", содержащегося в обретенной якобы старинной рукописи (типологически сходны мифологические сюжеты чудесного обретения книг откровения, икон, мощей и т. п.). Согласно этому пророчеству, содержащему, в частности, вариант основного эмеборческого мифа, Авраам, предававшийся в течение сорока лет уединенному созерцанию "крокодила, расположившегося в реке Египетской", слышит голос, возвещающий рождение в 5386 г. от сотворения мира (1626 г. н. э.) истинного Мессии - Саббатая Цеви, который "усмирят великого крокодила и лишит силы извивающегося змия; он и есть истинный Мессия, его царство вечно и нет кроме него избавителя у Израиля". Далее в рукописи следует рассказ, представляющий собой вариант мифа о карлике, перевернувшем гору, аллегорически утверждающий в этом контексте превосходство духовных сил над материальными и завершающийся прославлением Саббатая. В пророчество вводится, однако, мотив грядущего его преследования со стороны современников, именуемых египетской чернью. Там же, в Константинополе, Саббатай предпринимает символическое действие с рыбой, которую он укладывает в колыбель, объясняя это, в частности, тем, что Израиль будет освобожден под зодиакальным знаком рыб.

Тем временем популярность Саббатая, продолжающего свои странствия по городам Востока, продолжает расти. В Иерусалиме к нему присоединяется некий Натан Газати, принимаемый народом за пророка Илию, который по преданию должен сопровождать Мессию. Следую-

шим символическим действием Саббатая явилась его свадьба с некоей Саррой, беженкой из Восточной Европы, похищенной якобы духом ее покойного отца из христианского монастыря, где она воспитывалась (по другому варианту - перенесенной духом в Персию), и провозгласившей себя невестой Мессии, однако вступавшей до того в связи с другими мужчинами. Саббатай, увидевший ее, в соответствии с известным фольклорно-мифологическим мотивом, впервые во сне (Т 11. 3), ссылаясь при этом на пример пророка Осии, которому Бог приказал взять в жены блудницу (Ос. 1,2); в этом можно видеть воплощение варианта мифа о Священном браке.

Между тем мессианская кампания, направляемая и пропагандируемая Натаном Газати, приобретала широкий размах. В форме экзальтированного пророчества "Илия" (Натан) дал Саббатаю программу действий, заключающуюся в низвержении турецкого султана и воцарении его самого в качестве Священного царя в Палестине, бывшей тогда турецким пашалыком. Согласно пророчеству, Саббатай будет возить за собой султана как пленника, покорит без пролития крови все народы и после того отправится к реке Самбатсион, где женится на тринадцатилетней дочери пророка Моисея и сделает ее царицей. Сарра же сделается ее рабыней. Оттуда он приведет десять колен Израильских в обетованную землю, совершая этот путь верхом на льве, в пасти которого будет находиться семиглавый дракон, по пути побеждая своим дыханием полчища Гога и Магога. В Иерусалиме Бог спустит ему с неба на колеснице, подобной иезекииловой, трон из драгоценных камней, которые озарят весь город. Затем Саббатай принесет жертвы, а после этого начнется воскресение мертвых. Начались приготовления. Возвращения Саббатая в Смирну сопровождалось уличными процессиями и демонстрациями публичного самобичевания и покаяния. Люди шествовали с плодами и вазами цветов в руках. Саббатай же носил всер, символизировавший жезл Аарона, которым касался тех, кого считал достойными войти в царство небесное, а детям раздавал сладости. Усиливалась волна истерической экзальтации и массового психоза, сопровождавшаяся невероятными самоистязаниями. Люди не спали ночей, чтобы с помощью каббалистических заклинаний в полуночный час смывать совершенные грехи, зарывались в землю, купались в ледяной воде, а после очищения предавались оргастическому ликованию. Повсюду появлялись пророки, возвещавшие о пришествии Мессии в лице Саббатая Цеви и скором восстановлении храма. Для скорейшего завершения мессианской миссии, возможного, по учению каббалы, после воплощения в земные тела всех еще не родившихся небесных душ, многие спешили сочетать браком малолетних детей, и в одних Салони-

ках было совершено до семисот детских свадеб. По еврейским общинам всего мира рассылались циркулярные письма мессианского содержания. Вслед за Востоком саббатинское движение охватило и Европу. Прославление Саббата по чину царя было введено в синагогальные обряды, немалый интерес вызывало саббатинство и в христианских кругах. Так, рассказывалось, что к берегам Северной Шотландии приходил корабль с шелковыми парусами и снастями и надписью на флаге "двенадцать колен Израиля".

По достижении апокалиптического 1666 г. Саббатай с целью свергнуть султана и стать палестинским царем отправляется в Константинополь, предварительно разделив мир на 26 частей, розданных им его приближенным. Остальным верным он каббалистически открывает, душа какого из прежних царей живет в их теле. Популярность его достигает апогея. Повсюду люди продают дома и имущество и готовятся к переселению в Палестину, причем многие верят, что Мессия перенесет их на облаке в Иерусалим. Во время морского путешествия Саббатай попадает в бурю, и это дает сюжет для повествований о том, что ему повинуется морская стихия (ср. Мк 4, 39). В Константинополе его, однако, встречает стража, и при высадке один паша приветствует его пощечинами, но Саббатай подставляет другую щеку (ср. Матф. 5, 39). В Константинополе Саббатай арестовывает великий визирь Ахмет Киприли и заключает его в Абидосскую крепость. Это, однако, еще не подрывает веры в него, - мифология Саббатинства со свойственной новейшим мифологизирующим системам мобильностью мгновенно приспосабливается к новым обстоятельствам. Вожди движения объясняют случившееся недостаточной мерой народного покаяния, а мягкое обращение с пленником турецких властей используется именно как доказательство его мессианства. Подкупив стражу, вожди движения разукрашивают крепость, именуемую ими "башня могущества", наряжают Саббатая в царские одежды и сооружают ему в ней престол. У стен крепости собирается пяти тысячная толпа. Из всех стран диаспоры приезжают делегаты, оказывающие Саббатаю царские почести. Распространяется аллегорическое письмо, в котором Саббатай именуется агнцем и обещающее приближающееся спасение.

Тем временем, однако, приближается крах. В Европе нарастает и антисаббатинское движение, и один видный каббалист, прибывший к Саббатаю на аудиенцию, объявляет ему, что тот не Мессия, и доносит о его "революционных настроениях" султану Магомету IV. Султан призывает Саббатая и спрашивает его, Мессия ли он, на что тот отвечает, что он этого не утверждает, но что так говорит народ. Султан, признав его самозванцем, присуждает его к смертной казни, однако Саббатай

спасает свою жизнь, приняв мусульманство. Вслед за ним мусульманство принимает его жена и некоторые вожди движения.

История Саббатианства, как самовосстанавливающейся мифологизирующей системы, на этом, однако, не кончается. Распространяются слухи, что не Саббатай принял мусульманство, а "тень его", сам же он вознесся на небо. Согласно другому мифу, Саббатай в качестве царя-Мессии въехал к султану верхом на льве, тот надел ему на голову корону и сделал своей правой рукой. Натан Газати рассылает новый циркуляр, в котором указывает на непостижимый тайный смысл отступничества Саббатая (тогда же он, не теряя веры, бросает в Тибр магическое письмо, которое должно вызвать погибель Рима). По одному из вариантов мифа, Саббатай якобы принял мусульманство, чтобы освободить божественные искры, тлеющие под покровом нечистоты в душах мусульман, происходящих от Исмаила, сына Авраама; подобно тому, как первый освободитель, Моисей, должен был жить при дворе фараона, соблюдая внешность египтянина, так и последний Мессия пробудет некоторое время как бы язычником при языческом дворе - "по наружности грешником, в душе праведником." Ссылались также на образ Эсфири, спасшей евреев только после того, как она решилась быть женой персидского царя-язычника и есть в его дворце запрещенную пищу. Говорилось, что народное представление о Мессии, как о библейском бедняке, едущем на осле (ср. Матф. 21, 1-7), следует толковать в смысле временной духовной бедности вследствие необходимости носить маску чужой религии. По другому объяснению - Саббатай пошел на отступничество лишь из жалости к израильскому народу, которому пришлось бы без этого пройти сквозь страшные мессиянские муки. Подлаживаясь под меняющиеся условия, саббатианское мифологизирующее сознание мгновенно превращает "Мессию торжествующего" в "Мессию отверженного", к нему применяется толкуемое обычно в христологическом смысле пророчество Исайи о страждущем Мессии, который "от уз и суда был взят...", "отторгнут от Земли живых" и "за преступления народа претерпел казнь" (Ис. 53.8). Саббатианцы проповедуют, вслед за мифами о сорокалетнем блуждании по Синайской пустыне и о сорокалетнем пребывании на небе Моисея, воскресение его через сорок лет, когда он явится снова и закончит начатое им дело. Возникают новые Мессии, объявляющие себя преемниками Саббатая, предпринимается попытка основать мессиянскую династию. Подобно ветхозаветным отступникам, иерусалимские верные с плясками совершают саббатианское богослужение перед деревянным изображением Саббатая. Исходя из формулы "по наружности грешник, в душе праведник", саббатианцы в Смирне исповедуют доктрину, что грехи мира

могут быть искуплены только высшей ступенью внешней греховности (принцип *similia similibus*), и чем грязнее тело, тем чище душа; согласно этой доктрине, Саббатай достиг единения с Богом, только когда он окунулся в ритуальную нечистоту ислама. Опираясь на старую каббалистическую идею о необходимости "скорлупы" (в данном случае - ислама) для сохранения "ядра" (т.е. саббатизма), члены этой группы сами принимают ислам, положив начало дожившей в законсервированном виде до наших дней мусульманско-саббатизмской религиозной общине денме (турецк. *dönme* - отступники, в смысле сомнительности их приверженности как иудаизму, так и мусульманству), с ее основным догматом: Нет Бога, кроме Бога, и Саббатай Цеви пророк его. Особое значение придают денмехи "Песни песней", ставимой выше Пятикнижия Моисеева и Корана и толкуемой ими в эротическо-мистическом смысле, исходя из каббалистической теории, объяснявшей последовательные эманации божества и возвращение существ к своей первопричине в терминах супружества и совокупления. По верованиям денмехов, библейские праотцы и цари содержали в себе лишь частицы души Саббатая, который восемнадцать раз появлялся под различными именами. Праздники денмехов приурочены к памятным дням из жизни Саббатая - его рождения, обрезания, появления в роли Мессии и т. д. В ожидании времени, когда все евреи признают мессианство Саббатая Цеви, члены общины, открыто исповедуя мусульманство, обязаны скрывать свою истинную веру как от мусульман, так и от евреев. Часть из них признает в качестве второго Мессии Османа Бабу, в конце XVIII века обновившегося денме.

Другая ветвь саббатизмской мифологии, постепенно отошедшая в своем развитии от личности Саббатая, утвердилась в Польше, где его история интерпретировалась в свете более широких философско-каббалистических умозрений, согласно которым Бог существует в двух ипостасях - одной полностью трансцендентной (Эн-Соф, бесконечное), другой - служащей, в лице Святого отца или Царя израильского, посредником между миром и человеком, с которым лишь и может достигнуть слияния святой человек; Саббатай же Цеви стремился вместо того к недостижимой ипостаси Бесконечности. Позже к этому мифу, обнаруживающему широкие параллели с рядом переднеазиатских мифологий, например, езидской (что не так удивительно, принимая во внимание малоазийское происхождение саббатизма), было присоединено учение о "трех узлах веры", добавляющее к двум названным ипостасям женское начало Божества - Святой Дух или Шехину. К двадцатым годам XVIII века саббатизмство и его последователи, среди которых было немало выдающихся людей, вызывали в иудаизме столь

же сильную оппозицию, какой столетием раньше пользовалось симпатией. Трижды за десятилетие саббатяны подвергались "херему", т.е. отлучению, причем дважды - в том самом 1726 году, когда в южной Галиции родился человек, с которым связано дальнейшее развитие саббатянской мифологии от политико-мистического мессианства к чисто мистическому, достигающему завершения в мифологии франкианской.

Авантюрная история этого человека, Якова Франка (имя, даваемое на Востоке выходцам из Европы), прозванного еврейским Калиостро, во многом напоминает жизнь самого Саббатая. Уроженец Галиции и сын саббатянца, Франк юношей попадает с купцом, которому его отдали родители, в Смирну, где знакомится с каббалой и принимает саббатянское посвящение. Франк задумывает встать во главе общины денме, для чего принимает мусульманство и проповедует доктрину о воплощении души Мессии, как элемента Божественного духа, в царе Давиде, Иисусе, Магомете, Саббатае Цеви и его преемниках, наконец - в нем самом. Не в силах, однако, преодолеть культа своего предшественника-Мессии, а также преследуемый ортодоксальными турецкими евреями, Франк обращается к Польше, другому бывшему оплоту саббатянства, где не замерла еще память о былых волнениях. Развивая концепцию "трех узлов веры", Франк учил, что преданность Мессии, воплощающему в себе вторую ипостась Бога - Святого Царя, рождает гармонию между мужской и женской его ипостасями. Именно на таком отвлеченном истолковании мессианства и строит Франк свою доктрину, упразднив его исконную национальную интерпретацию, что сформулировано им в заявлении: "Мессия никогда не придет, и Иерусалим во веки не возродится". Из традиции турецкого саббатянства денме заимствовано было органистическое начало на том основании, что страсти, являющиеся искрами Божьими, в интересах достижения той же гармонии нуждаются в выходе, в чем им препятствуют талмудические установления; устраивались при участии самого Франка мистерии, в которых Шехина или божественная Матрона (Матронита) представлялась молодой женщиной, вокруг которой танцевали, доводя себя плясками и эротическими движениями до экстатического состояния, мужчины. Мистерии завершались общей трапезой и попойкой, иногда превращаясь в оргии. Франкианцы объявили войну Талмуду, шире - аскетическому раввинскому законодательству и вообще ортодоксальному иудаизму. По словам Франка, он "пришел избавить мир от всяких законов, до того существовавших". Основной книгой франкианского вероучения был признан основной каббалистический источник - книга Зогар, псевдограф XIII века, положивший начало аллегорическому толкованию Торы

и символическому истолкованию мира в целом. На основе Зога-ра Франком разрабатывались весьма неопределенные мессиянско-каббалистические догматы. В своих спорах с ортодоксальным иудаизмом Франк доходил до обвинений Талмуда в санкционировании ритуального употребления христианской крови и человеческих жертвоприношений, причем одно время ему даже удалось добиться постановления о сожжении экземпляров Талмуда в Подолье: прежде чем быть сожженными палачом в специальных ямах, книги, в виде насмешки, привязывались к лошадиным хвостам и волочились по улицам. В процессе этой борьбы Франк, опираясь на все то же учение о "скорлупе" и "ядре", дошел до принятия, вместе с большой группой приверженцев, католичества. Подобно тому, как Саббатай Цеви принял ислам для искупления грешных душ мусульман - потомков Исмаила, так и Франк с последователями переменили религию ради спасения христиан, по раввинскому мифу - детей Исава. После этого франкистская религия стала называться эдомитской - по второму имени Исава, мифического родоначальника эдомитов (от корня со значением "красный", см. Быт. 25, 25, 30; 36, 1, 8). Ритуальным цветом эдомитов стал красный, Франк выезжал в пышных платьях красного цвета, а свои послания, насыщенные библейской символикой, писал красными чернилами. Франкианская Мифология характеризуется сочетанием христианской формы с теми же расплывчатыми доктринами каббалистического мессиянства, излагавшимися последователями Франка в так называемой *Biblia Balamuta* и в пропагандированных им самим посланиях, составленных в темном стиле. От слегка модифицированного учения о "трех узлах веры" с ипостасями божества, определяемыми как святой Старец, святой Царь и святая Вшадыгица, перекинут был мост к догмату Троицы, а от утверждения божественности природы души Мессии, в котором воплощается второе, царственное лицо триады, - к догмату Богочеловека. Из своих приверженцев Франк организовал братство, основанное на полном ему подчинении, выделив в нем особую группу из двенадцати "апостолов", символически именовавшихся по числу родоначальников двенадцати еврейских колен "двенадцатью сыновьями Иакова" (т.е. Франка), и двенадцати сестер, которые стали проповедывать в его лице воскресшего Христа, а в лице его дочери Евы - воплощение женской ипостаси Бога, почитаемое под именем Эмуны (др. евр. "вера"). Как всегда, к новой вере приспособлены были многие частные мифы классического иудаизма и разнообразные мифологические архетипы. Так, Франк беседовал с пророком Илией, был приведен в Польшу ангелом, мог творить чудеса, воскрешая мертвых, видел вещие сны, предвидел будущее, над его головой появлялось сияние и т. п. Обрядовость формировалась на

основе каббалистической символики, в роше, расположенной неподалеку от резиденции Франка, ежедневно совершались обряды "колени-преклонения" и "поливания" (поливалось водой из специально принесенного кожаного меха место, где Франк расстилал свой молитвенный коврик).

Новая религия была, однако, признана польской католической церковью еретической, а сам Франк на тринадцать лет заключен в Ченстоховскую крепость, именуемую франкистами "Римские ворота" (согласно талмудическому мифу о Мессии, сидящему среди прокаженных у ворот Рима). Как и в случае с Саббатаем Цеви, мифологизирующее сознание приверженцев Франка не замедлило превратить его в Мессию страждущего. Из крепости Франк продолжал в пророческих посланиях пропагандировать "святую веру Эдома", обещая скорейший конец мира. После раздела Польши Франк был освобожден русскими войсками, причем распространялся миф о том, что он никто иной, как император Петр III, а что Ева будто бы приходится дочерью императрице Елизавете Петровне. Намечавшиеся в Турции военные авантюры, к которым Франк вел большую подготовку, превратив свою резиденцию в военный лагерь и подвергая своих последователей военной муштре, не состоялись за его смертью в 1791 г. В качестве "женской ипостаси" Ева некоторое время замещала отца, однако, когда средства ее двора начали иссякать, а долги неимоверно выросли, она исчезла при таинственных обстоятельствах. Франкианская традиция, с одним из ее центров в Праге, просуществовала, вырождаясь, до начала XIX века, причем новые адепты получали специальную подготовку, заключающуюся, помимо изучения Библии, Зогира и каббалы, в усвоении эзотерического знания - "тайной науки", основанной на сновидениях и пророчествах. На этом и заканчивается история саббатинской мифологии, претерпевшей столь большие изменения от ортодоксального в своих истоках аскетического мессианства Саббата Цеви до вырождения в выхолощенные каббалистические догматы и органистические проявления под покровом мусульманской или католической формы.

Европейский двадцатый век характеризуется резким возрастанием числа подобных мифологизирующих систем, формирующихся на основе экзотических, преимущественно восточных, религий и верований, - буддизма, суфизма и иных. Коснемся в качестве примера нескольких таких систем, из которых первая, получившая известность под названием "четвертого пути", связана с личностью Георгия Гюрджиева, грека закавказского происхождения, появившегося в Москве и Петербурге накануне второй мировой войны (нами был обнаружен в альбоме

ныне покойной С. Г. Мельниковой, близкой в Тифлисе к Илье Зданевичу, портрет Гюрджиева З. Валишевского, подписанного Гюрджиевым именно такой формой имени. Форма «Гурджиев» утвердилась в позднейших обратных переводах с английского его сочинений. Надпись гласит: «помните себя, и тогда вспомните меня». Впоследствии Гюрджиев преподавал в Тифлисе, Берлине, Париже и Нью-Йорке. Им написано несколько книг под общим названием "Все и вся", одна из которых, "Встречи с примечательными людьми", включает сильно мифологизированную историю его собственного формирования под влиянием многочисленных учителей Востока; согласно этой книге, окончательную форму его знание, собранное у этих учителей по крупицам, приобрело под воздействием эзотерического учения Сармунгских братьев, монастыри которых спрятаны в неприступных горах Средней Азии. Другая книга, названная Гюрджиевым "Объективная и беспристрастная критика человеческой жизни, или Рассказы Вельзевула своему внуку", мифологична уже и в более узком смысле слова. Сюжет этой книги, направленной на дискредитацию устойчивых механизмов сознания, строится вокруг истории Вельзевула, который, после его восстания против "Верховного Владыки Бесконечности", был сослан в один из самых темных уголков Вселенной, именуемый Солнечной системой. Поселившись на Марсе, он стал наблюдать в телескоп за жизнью странных земных "трехцентровых существ" (т.е. людей), затем шесть раз спускался на землю и наблюдал их уже непосредственно. Впоследствии он, однако, получает от Владыки Бесконечности прощение (что напоминает образ Малаки-Тауза в хорошо известной Гюрджиеву езидской мифологии, оппонента Бога, являющегося одновременно объектом поклонения как защитник людей, который будет в конечном счете с Богом примирен). Путешествуя на космическом корабле по Вселенной, он рассказывает своему любимому внуку Хуссейну о "трехцентровых обитателях" злополучной Земли с их вырожденным "бытийным разумом". Далее, на протяжении всей огромной (около тысячи трехсот страниц) книги Вельзевул раскрывает причины земного и космического характера, приведшие обитателей Земли к столь плачевному состоянию, рассказывая об их удивительной жизни, поступках, привычках, а также о той помощи, которую Верховные силы тщетно пытались им оказать. Причины эти коренятся, в частности, в крайней затрудненности для человека сознательной эволюции, поскольку такая эволюция противоречила бы его задачам в качестве ступени в космической иерархии. Человечество, как часть биосферы, занимает особое место в иерархии "Луча творения", служа передаточным звеном космических влияний от планет дальше на Луну, отколовшуюся от земли в результате косми-

ческой катастрофы. Луна, будучи, по отношению к Земле "растущим кончиком" Луча творения, питается излучениями земной органической жизни, в том числе человечества. С точки зрения космического порядка рост сознания человечества, механической жизнью которого всецело управляет Луна, не только не необходимо, но может быть даже вредным для развития Луны. Людям, для предотвращения их сознательного эволюционирования, верховным Ангелом был поставлен особый орган Кундабуфер, заставляющий их воспринимать реальность наизнанку. Орган этот, впоследствии снятый, оставил, однако, в человеке настолько глубокий след в виде эгоизма и всевозможных форм неадекватного восприятия мира, что самопознание и познание реальности сделалось для него крайне затруднительным.

Таким образом, вследствие причин космического порядка человечество, находящееся всецело под властью Луны, обречено на полностью механическое или "спящее" состояние. Согласно Гюрджиеву, люди являются ничем иным, как машинами, спящими автоматами, неспособными ни на какие сознательные действия и полностью зависящие от внешних влияний. Сознательная эволюция, в целом для человечества, в силу этих причин невозможная, направлена против природы и поэтому крайне затруднена. Однако в общем балансе космических сил эволюция отдельных людей не имеет большого значения, и поодиночке они могут, при помощи людей, находящихся в состоянии сознательного развития, вырваться из-под связывающих человечество планетарных влияний.

Антропология Гюрджиева строит иерархию из четырех последовательных, производящих одно другое в процессе упорного развития, тел - физического, астрального, ментального и причинного, имеющих каждое свои космические соответствия. Четвертое, причинное, тело состоит из материи звездного мира, и, таким образом, человек, имеющий его, бессмертен в пределах Солнечной системы. Говорить же о наличии какой-либо бессмертной души, вырабатываемой лишь с помощью упорных усилий, у спящего человека-машины, по Гюрджиеву, просто не приходится. Процесс роста высших тел человека и приобретения им более высоких форм сознания описывается Гюрджиевым также в тщательно разработанных им энергетических терминах. Воздух и впечатления, получаемые человеком и участвующие в преобразовании его энергии, Гюрджиев причисляет к прочим видам пищи. Основу его энергетического учения составляет доктрина трансмутации - выработки в соответствующих условиях более тонких видов энергии, обеспечивающих развитие трех высших тел человека. Соответствующим образом Гюрджиев разделяет все традиционные пути развития на путь факира - путь работы над физическим телом, путь монаха - путь веры, путь раз-

вития воли, властвующей над эмоциями, и путь йогина - путь знания и ума. Этим трем путям он противопоставляет четвертый путь, затрагивающий каждую сторону бытия человека, остающегося при этом в обычных условиях жизни. Приобретение самосознания или объективного сознания, которого спящий человек лишен, начинается с "самовоспоминания", т.е. состояния сознания, при котором человек отдает себе отчет в том, что те или иные действия производит он сам. Сам человек не может, однако, пробудиться ото сна - для этого необходимы объединенные усилия нескольких людей, которые бы будили друг друга. Продвижение по этому пути возможно, кроме того, лишь при условии восприятия особого рода влияний, идущих из "внутреннего круга человечества" и осуществляющихся через учителя, обладающего более высоким уровнем сознания. Необходимость групповой работы связана для Гюрджиева и с особым образом понимаемой им идеей эзотеризма, основывающейся на представлении о материальности всего во Вселенной, в том числе знания, с вытекающей отсюда его количественной ограниченностью. Воспринятое в большом количестве маленькой группой людей в одном месте, оно дает очень хорошие результаты, но взятое в малом количестве, что произойдет, если то же количество знания разделить между множеством людей, оно или не даст никаких результатов, или же принесет отрицательные плоды.

Таким образом, учение Гюрджиева несомненно представляется мифологизирующей системой с многообразными уровнями, начиная с мифологизированной личности самого Гюрджиева, о предыстории которого ходили самые невероятные легенды, и до созданной им космогонической мифологии в собственном смысле слова. Система эта легко включает в себя освященные авторитетом "древнего знания" многочисленные мифопоэтические категории наподобие мотивов сна, четырех тел человека, луча творения, однородности ("материальности") и вместе с тем иерархичности Вселенной, различных астральных мотивов, включая уникальную мифологему человечества как "пищи для луны" (ср. однако, древнейший мотив астрального каннибализма) и мн. др. Система носит, таким образом, выраженный синкретический характер, сохраняя одновременно отчетливую печать индивидуального мифотворчества ее создателя. Нельзя не отметить совершенно особый характер языкового творчества Гюрджиева, насыщающего свой текст колоссальным количеством терминов, составленных преимущественно из греческих и армянских корней, а также слов других языков, как например термин, обозначающий в его системе знаменитый закон октав Геттапарашипинок от греч. hepta «семь» и арм. shinogh от shineh «делать, строить», между которыми вставлено арм. rağar со значением «зря,

впустую", из чего складывается значение "семь напрасных действий" (может быть, в слове обыгрывается также значение русск. "аршин" и даже хеттск. *pašip* "член": создается впечатление, что Гюрджиев, назвавший одного из героев книги Горнахур Хархарк, а один из земных материалов - Ашкар (хеттск. *haḡk* - хороший), был, как ни странно, знаком с хеттским корнесловом.

Другая известная новейшая мифологизирующая система, распространившаяся в первой трети XX в., подобно саббатизму, является мессианской, однако мессианизм ее несет на этот раз христианско-теософические черты. Она примечательна также тем, что развитие ее завершилось процессом демифологизации, исходившей от самого мифологизируемого персонажа этой системы. Речь идет о так называемом "Ордене звезды" с отделениями во многих странах мира, созданном в начале века английскими теософами с целью подготовить почву для второго пришествия Христа. Незадолго до того ими был обнаружен в Индии мальчик по имени Джидду Кришнамурти, который был объявлен грядущим воплощением Христа и поставлен во главе ордена, собравшего большое число последователей. Кришнамурти, с 1915 г. получавший в Англии специальную подготовку, должен был по достижении определенного возраста провозгласить себя Великим Учителем - Мессией. Однако в 1929 г., незадолго до исполнения этого срока, он отказался от уготованной ему роли, объявив ее вымышленной, и посвятил дальнейшую свою жизнь распространению противоположных идей, направленных к отрицанию возможности какого-либо познания в рамках существующих теорий, концепций, систем и авторитетов; истинное познание, по Кришнамурти, возможно лишь как непосредственное, необусловленное медитативное восприятие всей полноты жизни. Суть этого учения близка внекатегориальной философии русского философа Я. С. Друскина, друга обэриутов.

Напротив, тенденцию к крайней степени мифологизирующей насыщенности обнаруживает появившаяся в пятидесятые годы система, известная под названием "Розы мира". Система эта была создана Даниилом Андреевым, сыном писателя Леонида Андреева, многие годы проведенным в сталинских лагерях. Творец ее, будучи визионером, создает своего рода новую "Божественную комедию" в прозе, посещая в своих видениях то, что он называет "трансфизическими слоями Шаданакара" (т.е. Земли). Он проходит, одну за другой, ступени прилежащего к Земле трансфизического космоса, от верхних слоев его, служащих местопребыванием высших, высветленных сущностей, до подземных глубин ада. Мифологизирующее создание творца этой системы создает детальнейшую топонимику этих сфер и ономастику их

обитателей, наделяя каждый из слоев и находящиеся в них сущности особыми, магически звучащими именами, восходящими, по его утверждению, к словам ныне не существующих языков. Согласно этой системе, Земля, как и всякое небесное тело, обладает рядом разноматериальных и разномерных оболочек, образующих взаимосвязанную систему и объединенных общностью протекающих в них процессов, основным из которых является процесс борьбы провиденциальных и демонических сил. В результате этой борьбы осуществляется метаистория - ноуменальная сторона процесса инобытия, раскрывающаяся, в частности, одной из своих сторон как история человечества. Основным метаисторическим понятием является в "Розе мира" метакультура - синтез духовных потенций всего человечества и его отдельных народов, реализующихся в различных трансфизических слоях. Выше физического мира ("Энрофа") располагаются "слои Просветления" каждой метакультуры, среди которых выделяются их вершины - четырехмерные "затомисы", или небесные страны синклита просветленных душ данного народа. Еще выше располагается то, что можно было бы назвать раем - высветленные слои Олирны, Файра, "страны великого отдыха" Нэртиса, "сада высоких судеб" Готимны. Еще выше располагаются пяти- и шестимерные миры, не поддающиеся никакому описанию. Высшему миру противостоят инфрамиры, управляемые демоническими силами и связанные с вселенским демоническим антикосмосом, сущность которого сводится к самоутверждающему захвату. Система, создаваемая этими силами в пределах Земли, именуется Гашпарвой и состоит из трех миров возмездия с возрастающей плотностью материи - нижних чистилищ, магм и ядра. В терминах метакультуры, небесным "затомисам" противостоят здесь темными двойниками "шрастры", служащие обиталищами нескольких рас анти-человечества. Между этими двумя огромными сферами Шадакакара находятся средние слои восходящего ряда, являющиеся местопребыванием эгрегоров (иноматериальных образований, возникающих из некоторых психических коллективных выделений человечества), ангелов, а также различных хранителей и вдохновителей творческих импульсов у людей. Наконец, особым образом существуют четыре системы "стихиалей", т.е. иномерных соответствий природным стихиям, некоторые из которых обладают космической протяженностью. Существуют стихиаля демонические - магм, трясин, болот, тропических зарослей, морских глубин, песчаных массивов и даже великих городов; выше, минуя стихиаля минералов и неподвижных гениев гор, водопадов, урочищ, находятся светлые "малые стихиаля" деревьев, вод, воздушной влаги, воздуха и ветров, еще же выше - семь "великих стихиалей", связанных с четырьмя стихиями, к которым

примыкают Заранда - царь всех животных царств, Эстира, госпожа растительности, и Лилит - "Всенародная Афродита" всего человечества.

Метаисторические процессы осуществляются, как сказано, при участии борющихся провиденциальных и демонических сил метакультурного и планетарного масштаба. Соборные души сверхнародов и их великие демиурги под водительством Планетарного Логоса объединяются в Мировой Сальватэре, откуда исходит все провиденциальное в метаистории человечества. С ними борется демонический мир, которому удалось захватить власть над многими важными процессами жизни и метаистории и исказить их течение. Человечество, призванное к миссии просветления падшего мира, "инволютируется" импульсами из различных слоев Шаданакара и, несмотря на непрерывную помощь высших сил, в большой мере находится под влиянием демонических воздействий. "Роза мира" дает подробный анализ метаистории человечества от его сотворения до наших дней, считая наше время ключевым, поворотным пунктом, когда может быть сделан решающий шаг к сознательной деятельности на помощь силам света, либо же человечество окончательно подпадет под власть темного начала и, как не справившееся со своей метаисторической ролью, в настоящей своей форме прекратит существование.

По детальности разработки мифологического универсиума "Роза мира", несомненно, занимает в истории новейших мифологизирующих систем совершенно уникальное место. В целом, однако, тенденции к подобному мифотворчеству обнаруживают себя в большом количестве мифологизирующих течений, появившихся в течение XX века в различных странах Запада. В списке таких течений найдут место теософия с ее продолжением в штейнерианской антропософии с их развернутыми мифологиями, опирающимися на мифологию оккультизма; разрабатываемая в десятые годы система "арканов Таро" Успенского-Шмакова, независимо составившая один из мифологических пластов поэмы "Бесплодная земля" Т. С. Элиота (мы имели возможность познакомиться с дневниками Шмакова, в которых, в частности, имеются полученные во время спиритических сеансов записи стихотворных текстов на языке Атлантиды, выдающих знакомство авторов с древними языками в пределах гимназического курса - дневники эти находятся сейчас в Нью-Йорке и принадлежат эмигрировавшему из Москвы Б. Кердимуну, чья группа, частично перевезенная им в Америку, не пренебрегала никакими методами для достижения своих целей, доходя до вооруженных нападений на автора этих строк); развивавшаяся до второй мировой войны болгарская школа Петра Данова, с ее представлениями о духовных иерархиях, практикой панэвритмии - сакральных жестов, насыщаю-

щих ее исполнителей космической энергией, и сакральными текстами на недошедшем до нас "вотанском" языке; многочисленные школы восточной ориентации, в частности, опирающиеся на тантрическую мифологию, такие, как агрессивная московская школа так называемого гуру Варверы (анаграмма имени ее основателя - Аверьянова), ведущая "астральные битвы" со всеми прочими духовными учителями и даже с собственными учениками, и многие другие. Здесь же можно упомянуть более локальные мифологемы, такие, как созданная Л. Повелем и Ж. Бержье в книге "Утро магов" мифема инспирации немецких нацистов темным тибетским орденом Туле и т. п. Заметим, что подобные системы и школы пользовались в начале семидесятых годов в определенных московских кругах необычайной популярностью. Нельзя не упомянуть и незабвенного "Учителя" - ныне покойного Порфирия Корнеевича Иванова, периодически приезжавшего из Донбасса в Москву, где у него было много последователей в среде преимущественно "простых людей", и шокировавшего публику тем, что зимой и летом этот глубокий старик с белой бородой ходил босым и почти обнаженным. В какой-то момент было объявлено, что скоро одна из его учениц родит на горе непорочно зачатого младенца, который не будет ни пить, ни есть, и станет его преемником. Мы с тревогой ждали, какой оборот примет это пророчество, поскольку беременная женщина действительно существовала. Адепты, однако, нисколько не были обеспокоены тем, что ребенок, к счастью, стал пить и есть, а времена для его воцарения были объявлены неблагоприятными. Именно на этом и подобных примерах мы имели случаи убедиться воочию в том, что люди готовы верить более или менее чему угодно, и тем более, может быть, чем менее предмет веры укладывается в рамки здравого смысла; опыт политического мифотворчества эпохи сталинизма мог бы служить не менее убедительным подтверждением этого небогатого вывода. Очевидно, создание подобных мифологизирующих систем и мифов отвечает определенным потребностям массового сознания с его тягой к "чудесному" и "сверхъестественному", мифологически структурируемого в соответствии с имеющимся в арсенале данной культуры набором архетипов, пополняемых различными элементами индивидуального творчества, тяготеющими, однако, к архетипическим представлениям универсального типа.

Нам хотелось бы закончить эту статью небольшим воспоминанием, которое, мы полагаем, будет приятно А. М. Пятигорскому, - о так называемой "эксинской ведьме" - г-же Эрминии Юргенс, которую он навещал в Эстонии и которая относилась к нему с необычайной симпатией. Эта необыкновенная дама, дочь петербургского фабриканта музыкаль-

ных инструментов, во время революции с некоторым теософским багажом уехала в эстонскую деревню, где прожила долгую жизнь, став чем-то вроде знахарки с репутацией колдуньи. Я посетил ее в проливной дождь. "Горе мое горькое, беда моя бедная", - сказала она на превосходном старом русском языке, с трудом, однако, на него переключаясь. В разваливающейся избушке на краю селения стоял белый рояль, кресла, письменный стол с книгами, - в ходе нашего разговора г-жа Юргенс раскрыла одну из них, чтобы прочесть пророчество о тысячелетнем царстве сатаны, по ее мнению, уже наступившем. На полях против этого места ее аккуратным готическим почерком было написано: *Das ist Kommunismus, oder Bolschewismus*. Г-жа Юргенс также рассказала мне о своих посещениях планет Солнечной системы, а когда я с ней прощался, сообщила, что в этот день собирается исследовать из своей комнаты дно озера Пюхаярве, так как за последнее время оно сильно засорилось.